

КАК ЧИТАТЬ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-23-35>

Рафаэла БОЖИЧ,

профессор кафедры русистики, Задарский университет,
Хорватия, e-mail: rbozic@inbox.ru

Аннотация: Произведение русского авангарда – роман «Мы» Е. Замятина – и сегодня, спустя более ста лет после своего создания, своей революционной поэтикой, во многом поэтикой минимализма, ставит перед читателями задачу, о которой многие даже не подозревают, и поэтому остаются только на первом уровне понимания романа, т. е. на уровне сюжетной линии. Однако большая часть романа написана через «пробелы», загадки и подсказки, и чтобы полностью понять его красоту и замысел, необходимо прочесть его таким образом, каким его себе представлял автор. В статье (преимущественно методом внимательного чтения и филологического анализа) на примерах использования тире, наименования персонажей, идеологем *революция* и *старение* и лексемы *счастье* указывается на многослойность этого замечательного романа.

Ключевые слова: Е. Замятин, наименование персонажей, тире, революция, счастье, старение.

Для цитирования: Божич Р. Как читать «Мы» Е. Замятина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №4 (47). С. 23–35. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-23-35>

HOW TO READ "WE" BY E. ZAMYATIN

Rafaela BOŽIĆ, PhD, Professor (Full), Department of Russian Studies,
University of Zadar, Croatia, e-mail: rbozic@inbox.ru

Abstract: The work of the Russian avant-garde, the novel "We" by E. Zamyatin, today, more than a hundred years after its creation, with its revolutionary poetics, in many respects the poetics of minimalism, poses a task for readers that many do not even suspect, and therefore remain only at the first level, i.e., at the storyline level. However, much of the novel is written through "gaps", riddles and clues, and to fully understand its beauty and intent, it is necessary to read it the way the author imagined it. In the article (mainly by the method of close reading and philological analysis), using examples of the use of dashes, the names of characters, the ideologemes *revolution* and *aging* and the lexeme *happiness*, the complexity of this wonderful novel is indicated.

Keywords: E. Zamyatin, naming of characters, dash, revolution, happiness, aging.

For citation: Bozic R. How to read "We" by E. Zamyatin. *Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Arts*. 2022, no. 4 (47), Pp. 23–35. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-447-23-35>

Введение

Главное исследовательское внимание жанра утопии и антиутопии, как правило, концентрируется на тематике и социально-политической проблематике, тогда как языковой, лингвостилистический уровень чаще всего остается вне поля зрения ученых [3, с. 569].

Читая научные тексты о романе «Мы» Евгения Замятина, видно, как мало внимания уделяется поэтике этого произведения, но без лингвостилистического анализа мы не можем его до конца понять и оценить. Поэтому неудивительно и что большинство читателей не замечают ничего, кроме сюжетной линии романа.

От недостатка поэтического анализа страдают и переводы этого романа. Например, в одном из переводов на английский язык совсем утратилось «замятинское» тире. Можно утверждать, что это повлияло на слабую рецепцию романа в среде, говорящей на английском языке. Потому что в этом «тире» – в этих «пропусках» – Замятин заложил очень много содержания [12].

Посмотрим, как отражается на романе его поэтика. Обратим внимание на следующие элементы: роль тире, наименование персонажей, идеологемы *революция* и *старение* и мотив/лексему *счастье*.

Тире¹

В русском языке тире в предложении имеет много употреблений². Мы могли бы ожидать, что тире часто встречается в разных текстах, но это не так, потому что тире прерывает нейтральный (немаркированный) ритм высказывания, а стилистическое свойство тире состоит в том, чтобы выделить либо содержание, либо стиль высказывания. Можно сказать, что употребление тире чаще всего стилистически окрашено и что единственным стилистически немаркированным употреблением тире является его употребление в качестве связки в настоящем времени³.

В романе «Мы» более трех тысяч тире. Их количество распределено неравномерно. Синтаксис (и тире) в романе в функции построения композиции романа, создания сюжетной напряженности и выражения прогрессирующей психоэмоциональной рассеянности главного героя (и что очень важно – ненадежного рассказчика) [12].

В своих эссе Замятин дает ключ к пониманию своей поэтики, которую последовательно применяет в романе. Так как «количество» тире в романе Замятина – стилистический прием, оно нуждается в адекватной интерпретации.

Синтаксические позиции тире в романе «Мы» можно сгруппировать следующим образом:

а) Тире вместо запятой.

Резкие, быстрые – острым топором – хореи. [6, с. 169].

... зеленое оранжевое – Будда – сок. [6, с. 160].

¹ Об этом в деталях я писала в книге «Distopija i jezik, distopijski roman kroz oko lingvostilistike» («Антиутопия и язык. Роман-антиутопия сквозь призму лингвостилистики»), Zadar 2013 [6].

² Здесь мы не будем приводить примеры, которые любой легко может найти в разных грамматиках русского языка.

³ Даже в этой позиции тире не всегда употребляется, например: «Жизнь армейского офицера известна» (Пушкин, «Выстрел») [8, с. 446].

Наконец: ступеньки – сумерки – все светлее – и мы снова на улице веером, в разные стороны ... [6, с. 278].

И я, задыхаясь, мчался – чтобы не опоздать. [6, с. 176].

б) Тире вместо многоточия, в конце или внутри предложения.

Ничего... Завтра же пойду к Р и скажу, что – – [6, с. 180].

Как я ее – – впрочем, да; поздно уж. [6, с. 185].

Как если бы черные, точные буквы на этой странице – вдруг сдвинулись, в испуге рассказали какая куда – и ни одного слова, только бессмыслица: пуг – – скак – – как – – [6, с. 276–277].

в) Тире как знак паузы.

По старому обычаю – десять женщин увенчивали цветами еще не высохшую от брызг юнифу Благодетеля. [6, с. 170].

В тот момент – я видел только ее глаза. [6, с. 157].

Но зато теперь вы – в моих руках. [6, с. 173].

г) Тире в функции связки.

Не спать ночью – преступно. [6, с. 566].

Ребра – железные прутья, тесно. [6, с. 172].

Ясно, что в случаях а, б и в тире представляет собой синтаксический элемент стиля (т. е. употребление не грамматически обусловлено); употребление тире грамматически обусловлено только в случае г. Но возникает вопрос, можно ли и в случае г говорить о стилистической функции⁴.

Для подтверждения этой возможности необходимо в романе найти употребление тире между подлежащим и сказуемым, не обусловленное употреблением тире в качестве связки. Такие примеры действительно можно найти. Тире появляется в следующих позициях:

а) Между подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом в настоящем времени.

Вы – идете к шпионам... фу! [6, с. 163].

– вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я – пью ликер, я – курю. [6, с. 174].

б) Между подлежащим и сказуемым, выраженным возвратным глаголом в настоящем времени.

И я – распоряжаюсь испытаниями. [6, с. 271].

в) Между подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом в прошедшем времени.

Р – брызнул фонтаном. [6, с. 165].

Сталь – ржавеет; древний Бог – создал древнего, т. е. способного ошибаться, человека и, следовательно, сам ошибся. [6, с. 182].

г) Между подлежащим и сказуемым в прошедшем времени, выраженным возвратным глаголом.

И вдруг она – рассмеялась. [6, с. 158].

⁴ Это особенно важно для перевода.

С – двояко улыбнулся, кивнул мне, проскользнул к выходу. [6, с. 162].

д) Между подлежащим и сказуемым, выраженным вспомогательным глаголом, который находится в функции связки, и именной части, выраженной местоимением.

Я – был я. [6, с. 176].

Эти примеры доказывают нам, что нельзя автоматически отвергать стилистическую роль тире на месте связки, а надо понять, как интерпретировать роль тире в конкретном предложении в соответствии с поэтикой и синтаксисом Замятина. То есть возникает вопрос, что на самом деле означает тире в таких предложениях как: «Потому что линия Единого государства – это прямая» [6, с. 140] или «Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий» [6, с. 140].

Если предложение «Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий» считать эллиптическим, то оно не допускает ни малейшего сомнения в том, что прямая – самая мудрая линия⁵. Признание этого предложения эллиптическим допускает и факт, что в романе много эллиптических предложений, которые подчеркивают эмоциональную реакцию рассказчика, например «Письмо – в клочья» [6, с. 210] или «У входа в Древний Дом – никого» [6, с. 218].

Томашевский [10, с. 74] указывает на то, что эллиптические предложения придают текстам краткость и энергию, и, как писал об этом сам Замятин [7, с. 318], такие предложения выполняют функцию активного вовлечения читателя, активизируя потребность читателя заполнить недостающие части. Таким образом литературное значение произведения искусства растет вместе с читателем и становится его органической частью.

Пример: «Я – перед зеркалом. И первый раз в жизни – именно так: первый раз в жизни – вижу себя ясно, отчетливо сознательно, – с изумлением вижу себя как кого-то «его». Вот я – он: черные, прочерченные по прямой брови: ... А я настоящий, я – не – он...» [6, с. 177] ясно показывает, сколько в тире заложено эмоциональной напряженности.

Одной из важных характеристик романа является сильно опозитизированный язык главного персонажа и рассказчика Д-503, что важно потому, что сам Д-503 отрицает свою чувствительность и старается вести себя вполне рационально. Это чрезвычайно важное противопоставление в романе, изучающем противоположности коллективного и индивидуального, разума и эмоций.

Часто можно встретить мнение, что персонажи в «Мы» «плоские», что характеристики персонажей в романе нет. Но на самом деле это совсем не так. Замятин характеризует Д-503 «косвенно», т. е. читатель сам должен воссоздать его характер на базе «подсказок», которые автор «подбрасывает».

⁵ Кроме того, само тире – это прямая, поэтому использование тире находится в прямой связи с идеологией Единого Государства.

Первые важные «подсказки» Замятина о Д-503 – это именно его язык и выбор жанра. Во-первых, его язык сильно поэтизирован (например, полон метафор) и очень эмоционален (что особенно видно именно на уровне синтаксиса и употребления тире). Это ясно показывает внутренний конфликт Д-503, на что указывает и выбор формы дневника, который является одним из самых интимных жанров, т. е. Д-503 с помощью интимного жанра старается писать о «общем», что уже много о нем говорит.

Наименование персонажей⁶

Наименование персонажей часто является одним из способов характеристики персонажей. Но какую роль играет наименование персонажей в романе «Мы», если сомнительно, можно ли в этом романе вообще говорить о наименовании персонажей? Именованное в романе «Мы» состоит из одной фонемы/графемы: согласной (мужские персонажи) или гласной (женские персонажи) и числовой части имени.⁷

Обычно указывается, что такое именование персонажей связано с именованием заключенных, лагерников, и что это характеризует характер общества в Едином Государстве, но что оно не играет никакой роли в характеристике персонажей. Однако такое мнение учитывает только первый уровень наименования в романе.

Второй уровень значения существует, и он очень важен, а мы обнаруживаем его при анализе мотивации именования на уровне фонем и графем, составляющих «имя». Роман Якобсон указывает [11, с. 89], что природа не терпит праздности (мы добавляем – тем более литература) и что из-за тесной связи между звуком и значением в словах говорящим необходимо дополнять эту внешнюю связь внутренней. Сопоставление разных голосов может выражать отношения, связанные с музыкальными, зрительными, тактильными и т. д. ассоциациями. Например, противопоставление высоких и низких фонем может вызвать ассоциации: яркий – темный, острый – круглый, тонкий – толстый и т. д.

Понятно, что в «классических» именах легко определить коннотации (известные имена из греческой или иной мифологии, библейские имена и т. д.). Также видно, соответствует ли имя персонажа другим его характеристикам, или же оно усиливает какие-то существующие гротескные ха-

⁶ Об этом в деталях я писала в книге «Distopija i jezik, distopijski roman kroz oko lingvostilistike» («Антиутопия и язык. Роман-антиутопия сквозь призму лингвостилистики»), Zadar 2013 [12].

⁷ На наш взгляд, цифровая часть имени относится не к области лингвистики, а скорее к семиотике. Однако мы полагаем, что и она мотивирована, но не характеристикой персонажа, а «характеристикой» общества. Самый высокий номер у S-4711, представляющий «хранителей» (полицию), а наименьший номер у поэта R-13. Для поддержания тоталитарного общества полицейских требуется гораздо больше, чем представителей других профессий. Поэтов во всех обществах относительно немного (тем более, что это именно профессия поэта). Заметим, что главный герой – инженер Д, отмеченный цифрой 503, что соответствует этому предположению. Анализ цифровых частей имен Лахузен, Максимова и Эндрюс посвятили книгу. Их положения, хотя и интересные, все-таки кажутся часто чрезмерными [8].

рактеристики. Но в «Мы» ситуация иная, приходится опираться на другие источники информации – на сами фонемы и графемы.

Важны ли артикуляционные и изобразительные особенности фонем/графем в характеристике персонажей романа? Если бы в романе не было ссылки на коннотативные значения наименований, то каждого из персонажей можно было бы назвать совершенно по-разному, т. е. было бы не важно, как их зовут. Но – это не так.

В том, что фонемы являются важным элементом значения, нет ничего нового. Уже А. Белый интерпретировал фонемы как носители значения. Во многих культурах буква выступает как символ тайного существа, сама его субстанция [14, с. 203]. Следовательно, может ли только одна фонема/графема быть достаточно мотивированной и нести достаточно коннотативных значений, чтобы можно было утверждать, что она является существенным элементом характеристики персонажа?

Анализ показывает, что да. Мотивация даже четко указана в самом романе [12]. Персонаж О-90 напоминает рассказчику букву О, как и персонаж S-4711, который физически «дважды изогнутый, вроде буквы S» [6, с. 143]. Но фонетические и визуальные характеристики фонем/графем указывают на еще более сложную роль наименований в романе [12].

Письмо в основном выступает только как вспомогательная система, и часто не имеет значения, написано ли произведение латиницей, кириллицей или любым другим письмом. Однако в романе «Мы» персонажи отмечены двумя письмами. I-330, S-4711 и R-13 выделены латинскими буквами, а Д-503 и Ю – кириллицей. Женский персонаж О-90 отмечен буквой, которая употребляется как в кириллице, так и в латинице. Таким образом Замятин уже на уровне графем создает три группы персонажей – революционеров, отмеченных латиницей, сторонников государственной политики, отмеченных кириллицей, и О – персонаж, который принадлежит природе, естественному закону жизни [12].

Также нельзя не учитывать зрительно-ассоциативную насыщенность графем.

Главный женский персонаж I-330 отмечен двумя графемами. В имени буква I, а визуально в чертах лица преобладает X, что очень ясно на уровне символики. Но только графема «I» входит в состав имени. Зрительная мотивация буквы I видна уже из слов самого рассказчика: «Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330...» [6, с. 143]. Хлыст имеет множество символических значений. Хлыст является и символом молнии, и, подобно молнии, также является символом творческой энергии [14, с. 40]. Латинская буква I также ассоциируется с английским словом «I» («я»). Таким образом, на визуальном уровне I-330 предстает как носитель энергии и индивидуальности. Визуальный образ графемы I также подчеркивает ее изящность и красоту.

Главный мужской персонаж отмечен кириллической буквой Д. Если мы сравним другие буквы кириллицы, то увидим, что буква Д обладает целым рядом визуальных характеристик, которых нет у других букв системы. Буква Д состоит из более-менее правильного куба, стоящего на двух «ножках». Куб символизирует материальный мир, он символ постоянства, вечности [14, с. 263]. Куб предполагает замкнутое пространство, аналогичное пространству Единого Государства, где люди живут в стеклянных комнатах-камерах.

Имя Д-503 указывает на то, что он сторонник идеологии Единого Государства. Он закрыт для новых влияний – его четыре угла указывают на оборонительную позицию. Буква полностью закрыта и подобна Стене, которая окружает Единое Государство от внешних влияний. Ассоциацию устойчивости дополнительно подтверждают две «ножки», на которых стоит верхняя часть знака. Но это как раз и есть самое «слабое место». Роман на уровне персонажа Д-503 дает подробную психолого-эмоциональную характеристику выпавшего из равновесия персонажа, т. е. буквы Д, у которой «сломана» одна из «ног» [12]. Трагедия персонажа Д-503, таким образом, возникает из-за несовместимости имени и характера. Это единственный персонаж романа, чье имя и его коннотативное значение не согласуются с его сущностью. Д-503 – это просто замятинский вариант имени Раскольников!

В этой одной графеме Замятин доводит до крайности принцип, который встречаем в большинстве литературных утопий разных периодов, для которых характерна правильная геометрическая структура утопического города [5] и сам главный персонаж отождествляется с архитектурой «идеального города». Еще раз видно доказательство связи архитектуры и идеологии [9, с. 15].

Следующий персонаж, именуемый кириллицей – Ю. Ясно, что графема использовалась, потому что это графема, объединяющая графемы I и O. Следовательно, это женский персонаж, который противопоставляется двум другим главным женским персонажам. В то время как I представляет собой принцип революции, Ю представляет собой принцип энтропии. В то время как O представляет принцип жизни, Ю – уже состарившаяся бесплодная женщина. Таким образом, он представляет смерть как в социальном, так и в биологическом плане [12]. Неслучайно именно она берет детей на «операцию» по удалению мечты.

Единственный персонаж, избежавший участи революционеров или участия лояльных системе персонажей, – это женский персонаж O-90. Она продолжает свою жизнь в диком мире за пределами Единого Государства. Ее путь – универсальный путь жизни, который символизируется беременностью (ребенок – продолжение жизни). Она символически отмечена буквой, общей для обоих писем. O – это тоже совершенная форма – форма без

начала и конца, своего рода вечный двигатель. Она и физически напоминает графему-имя. Зрительный образ О-90 развивает ассоциацию теплоты, мягкости, нежности (О не имеет острых краев), также развивает ассоциацию всего, что мы обычно ассоциируем с материнством (круглый живот беременной женщины). В отличие от куба, круг катится – он движется и представляет собой естественный процесс эволюции.

Зрительный образ графемы R реализуется через ее зеркальное отображение – русскую букву «я», того же значения, что и личное местоимение первого лица единственного числа. Так имя поэта противопоставляется названию романа⁸. Зрительный образ графемы R также согласуется со «шкатулкой», которая у R на затылке. «Шкатулка» прячет знания [14, с. 295]. Это ассоциация ко всему культурному содержанию, без которого поэзия, собственно, не существует. Зеркальное отображение есть знак того, что в литературе нельзя пренебрегать «отражением» произведения, т. е. каждое произведение существует только как многослойное творение.

Таким образом, в романе местоимением «я» отмечены два персонажа – революционерка I-330 и поэт R-13, что соответствует взглядам Замятина на роль революционеров и поэтов как инициаторов перемен.

И звуковой образ «имен» семантически полон.

Артикуляционная характеристика гласного [i] – это гласный с высокой степенью поднятия языка, переднего ряда, нелабиализованный. Он вполне соответствует характеру молодой, энергичной революционерки. Если мы посмотрим на место образования в ротовой полости, то заметим, что [i] является гласным первого ряда, т. е. «выражает» свой «революционный характер» и с акустической стороны. С точки зрения раскрытия губ при произнесении звука [i] губы очень сомкнуты (ср. постановку звука [á]) – поэтому они выражают загадочность, тайну, не позволяющую проникнуть в его нутро. Фонема [i] также стоит после мягких согласных, поэтому можно сказать, что с I, т. е. [i], Д на самом деле [d'], мягкий, «податливый».

Гласная фонема [ó], напротив, является фонемой среднего уровня поднятия языка, последнего ряда, лабиализованная, так что ей присущи черты консерватизма и сексуальности (надутые губы). Акустическая картина этой гласной указывает на твердое окружение – [ó] находится в русском языке после твердых согласных. В позиции перед [ó] Д стоит [d], т. е. «твердым».

Наиболее значимые акустические характеристики согласного [d] следующие: при образовании перегородки речевого прохода он завершается и закрывает проход воздушному потоку, который после открытия перегородки внезапно вылетает наружу – это взрывной согласный с низким резонан-

⁸ Белобровцева утверждает, что персонаж R-13 относится к первому поэту революции, Маяковскому. Хотя она достаточно убедительно доказывает этот факт, на уровне поэтики и семантики романа это не важно [1], тоже не имеет особенного влияния на наименование персонажа.

сом. Это согласуется с характером персонажа, который живет в перегородке (стеклянной комнате, камере), а после встречи с I-330 неудержимо, взрывообразно перестает контролировать свои чувства и поступки.

Р уникален тем, что это единственная графема, которая в особых ситуациях может относиться как к гласным, так и к согласным. Гласный [r], в отличие от согласного [r], имеет более высокий звон (звонкость) и длится дольше. Это соответствует характеру поэта и его профессии. Профессия поэта на самом деле является формой исследования выразительных, акустических и других возможностей языка. Именно поэтому губы являются именно той частью тела, которая его определяет, что выражается и на уровне акустических свойств звука [r].

Мы видим, что все персонажи разные – на что указывают и наименования, и внешность персонажей. Именно столкновение *я* – *мы* производит действие романа. Момент, когда *я* = *мы*, противостояние исчезает, нет сопоставления, нет различий – нет революции, возникает энтропия (роман заканчивается).

Революция, счастье и старение

Интересно, что Замятин в романе по-разному относится к лексемам (идеологемам) *революция*, *счастье* и *старение*.

Лексема *революция* встречается только в одном отрывке, но ясно и недвусмысленно говорящем о том, что каждая революция всего лишь одна в ряду многих [6, с. 255]. Замятину не нужно доказывать этот очевидный факт.

В отличие от лексемы *революция*, лексема *счастье* употребляется очень часто, не менее 30 раз. Это существенное отличие от других мотивов в романе, которые мы анализировали в других своих работах (еда, старение⁹). Можно сделать вывод, что именно счастье является центральным мотивом в романе. Это очень важно для характеристики Д-503, т. е. можно задать вопрос: почему это так важно для Д-503? Почему такой рациональный персонаж, как Д-503, постоянно думает о счастье? И, конечно же, почему это так важно для Замятина?

Роберт Эллиот спрашивает: «Как можно свести счастье к математике?» [15, с. 71]. Однако математика – это язык, на котором можно выразить всю вселенную, и, возможно, единственный универсальный язык различных (пока еще неподтвержденных) космических цивилизаций. Возможности математики могут показаться ограниченными тем, кто не знает ее языка. Математика включает даже иррациональные величины, которые так беспокоят Д-503. Возможно, проблема не в математике, а в ограниченном понимании математики и языка математики. На деле язык математики может быть не менее способен к выражению многих аспектов человека, чем наши

⁹ В книгах и статьях [2], [12], [13] и др.

«обычные» языки, но его уровень настолько высок, что слишком мало людей говорят на нем и могут его понять. В любом случае он не предназначен для разговора об эмоциях. Однако язык математики, о котором (и на котором) говорит Д-503, находится в зачаточном состоянии (что опять же в «замятинском» минималистском стиле характеризует и Д-503, и общество, которое он так восхваляет).

Математическое выражение счастья Единого Государства реализуется в дроби, в которой знаменатель сводится к нулю, и дробь превращается в красивую бесконечность. Конечно, проблема с дробью не в математике, а в упрощении упомянутого уравнения, из которого удалены многие величины, а любовь ошибочно отождествляется с сексуальным уровнем, составляющим лишь одну ее часть.

Что это уравнение неверно и, следовательно, не обеспечивает счастья, видно в самом конце романа, когда сидящий рядом с Д-503 мужчина говорит, что он математически вычислил, что бесконечности не существует: «Если мир бесконечен – то средняя плотность материи в нем должна быть равна нулю. А так как она не нуль – это мы знаем, – то, следовательно, вселенная – конечна...» [6, с. 292].

Интересно, что Д-503 на основе математики с самого начала романа смог понять, что I-330 манипулирует событиями. Она советует ему прийти в аудиториум 112. К своему удивлению, он действительно получает расписание именно в этот аудиториум. Наивный Д-503 не понимает, что это не случайность, хотя математика явно указывает ему на манипуляцию.

Также уже в первом упоминании о счастье мы видим основные элементы концепции счастья Единого Государства – это отношение между счастьем и свободой. Соотношение между свободой и несвободой Д-503 связывает с таким ключевым текстом, как «Библия» и история первых людей Адама и Евы.

Для Д-503 Часовая Скрижаль, определяющая ритм жизни каждого жителя Единого Государства, является высшим выражением несвободы, а значит, и счастья. Цель (идеал) Единого Государства – это общество, в котором больше ничего не происходит. Таким образом, идеал означает повторение одного и того же дня.

Джоанна Расс в своей рецензии на книгу Р. Ц. Эллиотта «Форма утопии» (*The Shape of Utopia*) подчеркивает, что банальное представление о том, что свобода всегда приносит несчастье, просто неверно [16, с. 118]. Однако дело не в том, что Замятин верит в эту банальную концепцию, как раз наоборот. В эту банальную концепцию верит Д-503, который довольно ограниченный рассказчик. И все же мысли Д-503 часто вводятся в теоретические работы, как мысли Замятина.

Вопреки всему, во что он верит, Д-503 влюбляется в женщину, которая символизирует свободу, непредсказуемость, стихию. Д-503 говорит о люб-

ви, но он не знает, что это такое любовь. Он не различает любовь, страсть и влюблённость. Воспитание Д-503 не могло подготовить его ко всему, что с ним происходит во время дневника-романа. Кроме страсти, он не понимает ложь. Отрицать, что что-то существует – это не значит, что этого нет (о манипуляции реальностью языком писал Джордж Оруэлл в его знаменитом романе «1984», но Замятин об этом писал гораздо раньше, хотя минималистически, но ясно показал, что такая манипуляция на продолжительное время невозможна).

О-90 в контакте со своими чувствами и понимает их [2, с. 319]. Эта простая, скучная и предсказуемая О-90, как она кажется Д-503, приносит в мир новую и свободную жизнь. В этом ей помогают революционерка I-330 и Д-503 в моменте своего высшего несчастья(!). Хотя О-90 и I-330 на первый взгляд очень различаются, на самом деле они «имеют схожие идеологические установки» [2, с. 320]. О-90 так же храбра, как и I-330 – она полностью осознает, что для неё беременность означает смерть, но все-таки решается на ребёнка от любимого человека. Разница между I и О в том, что О интуитивна, в то время как I революционно рациональна. В конце О-90 уходит в дикий мир за стеной – значит, она готова встретить новое и неизвестное. О-90 не революционерка, но живёт в мире, в котором ре/эволюция продолжается, неизбежно и без активной роли человека. Природа производит ре/эволюцию все время и всегда, а то, что происходит в обществе Единого Государства, ограничено и обречено на неудачу [2, с. 320].

Несмотря на удовлетворение своих сексуальных и гедонистических влечений (спиртное, сигареты), I-330 не нуждается в счастье через реализацию эмоциональной любви. Её счастье реализуется в революционном действии. О-90 в этом смысле противоположность I-330. Её счастье проистекает из индивидуального, частного, эмоционального [2, с. 320]. О-90 глубоко понимает жизнь, она понимает, что суть жизни – это просто жить, пережить все счастье и несчастье, которые жизнь может принести [2, с. 320].

Можем поставить вопрос и об отношении счастья и интеллекта или представления о самом себе. Как мы видели, Д-503 не понимает самого себя. Может ли такой человек быть счастливым? Д-503 публично прокламирует свои знания обо всем на свете, но он обнаруживает полное непонимание самого себя, а человек, который не постиг себя, вряд ли что-то знает о чем-то другом [2, с. 320]. Жить так, чтобы один и тот же день всегда повторялся, что является его идеалом, на самом деле означает жить не своей жизнью. Чтобы жизнь прожить, надо столкнуться со страхами, с несчастьем – только тогда можно по-настоящему осознать счастье. В романе мы замечаем, что Д считает, что он счастлив – до начала своего дневника и, возможно, после дневника, после операции. Наверное – он доволен. Это не совсем одно и то же. Интересно, что его дневник, т. е. его поэма

и его творчество, на самом деле продукт несчастья, в период счастья он бесплоден. [2, с. 321].

Даже мотив старения можно осмыслить на более глубоком уровне [13]. Обратим внимание на старуху, которая появляется в начале романа, и отношение I-330 к ее возрасту и атрибутам старости. В соответствии с замятинской поэтикой минимализма старение здесь не разрабатывается, но может трактоваться как символ свободы. Вопреки тому, как обычно воспринимается старение, т. е. как нечто, чего мы хотели бы избежать, в регулируемом обществе Единого Государства старость есть нечто личное, почти как акт бунта, образ мудрости и времени, особая форма красоты – и вот почему I-330 любит и старуху, и сам Древний Дом. Замятин принимает временный характер жизни так же, как он принимает и факт, что не может быть последней революции. Старение и умирание – удел каждой революционной идеи (как и человека) – все мы лишь часть существования, которое всегда движется вперед – и мы эту участь должны принять с достоинством [13, с. 249].

Хотя в своих очерках об искусстве Замятин оставил нам ключ к прочтению своего романа «Мы», все же можно заметить, что рецепция романа во многом ограничивается только интерпретацией сюжетной линии. Героев называют плоскими, сюжет неизобретательным. Однако роман реализуется на многих уровнях, многие из которых находятся в «пробелах» (показанных здесь на примере орфографического знака тире – его употреблении и ритмичности его употребления), на уровне именования персонажей, на первый взгляд, немотивированном, лишенном коннотативных значений, тем не менее, глубоко мотивированном и в службе характеристике персонажей романа. Их мотивация обнаруживается как на визуальном уровне языка (графика, буквы), так и на речевом уровне (акустические свойства отдельных фонем), на уровне идеологем и мотивов. Такое назначение требует иного подхода к чтению и представляет собой важное новшество.

Замятин дает нам роман, являющийся в то же время загадкой, которую нельзя «разгадать», веря рассказчику. Уже на уровне выбора жанра рассказчик демонстрирует свою ненадежность, глубокое расстройство личности, которое он сам не может разрешить. Даже на операцию он идет не добровольно.

И сам конец романа часто трактуется упрощенно. На самом деле мы не знаем, потерпела революция поражение или нет. О-90 отправляется в будущее с ребенком любви. I-330 казнят «завтра», т. е. после окончания романа, и неизвестно, произойдет ли это вообще. Стена установлена, но не на том же месте... Конец романа остается динамичным и энтропийным одновременно. Пространство Единого Государства уменьшилось, пространство свободы увеличилось.

Список литературы

1. *Белобровцева, И.* Поэт R-13 и другие Государственные Поэты. 2002. Звезда, №3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magazines.russ.ru/zvezda/2002/3/beloc-pr.html>
2. *Божич, Р.* Свобода и счастье: литературная утопия и антиутопия раннего советского периода // Швейцарские тетради. Выпуск 11. Нижний Новгород : НГЛУ, 2021. с. 314–324.
3. *Ващенко (Анисимова) Д. Ю.* Роман-антиутопия в новом ракурсе / Славянский альманах. 2014. №2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-antiutopiya-v-novom-rakurse>
4. Грамматика русского языка. II. Москва Изд. Академии наук СССР. 1960. [Электронный ресурс]. URL: <https://sovietime.ru/russkij-yazyk/grammatika-russkogo-yazyka-toma-1-i-2-1960>
5. *Добрынина, А.* 2011. Элементы классических утопий в архитектуре СССР в 1920–30 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/print/elpub/91582>
6. *Замятин, Е. Мы.* Санкт-Петербург : Миръ. 2011. 599 с.
7. *Замятин, Е.* О синтетизме // Замятин, Е. Мы. Екатеринбург : У-фактория. 2002. с. 309–320.
8. *Лахузен Т., Максимова, Е. Эндрюс Э.* О синтетозме, математике и прочем (роман «Мы» Е. И. Замятина). Санкт-Петербург : Астра-ЛЮКС, Сударыня. 1994. 116 с.
9. *Паниотова, Т. С.* Архетип города в истории утопической мысли // Утопические проекты в истории культуры. Ростов-на-Дону–Таганрог : Издательство Южного федерального университета. 2021. С. 12–15.
10. *Томашевский, Б.* Теория литературы. Поэтика. Москва: Аспект Пресс. 2001. 331 с.
11. *Якобсон, Р.* 1985. Избранные работы, Москва : Прогресс. 460 с.
12. *Božić, R.* 2013. Distopija i jezik. Zadar: Sveučilište u Zadru. 2013. 115 s.
13. *Bozic, R.* Ageing in Soviet Utopian and Dystopian literature // Gramshammer-Hohl, D. Foreign Countries of Old Age: East and Southeast European Perspectives on Aging. Bielefeld : Transcript. 2019. Pp. 235–251.
14. *Chevalier, J., Gheerbrant, A.* Rječnik simbola, Zagreb : NZMH, Mladost. 1994. 871 s.
15. *Elliott, R. C.* 2013. The Shape of Utopia. Bern: Peter Lang AG. 142 p.
16. *Russ, J.* Untitled Review // Elliott, R. C. 2013. The Shape of Utopia. Bern: Peter Lang AG. Pp. 114–118.